

ББК 82.3 (4Рос)
УДК 398

В. А. КОВПИК
(Москва)

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ВОИНСКИХ ЗАГОВОРОВ В РУКОПИСНОМ СБОРНИКЕ КАРГОПОЛЬСКОЙ КРЕСТЬЯНКИ АНАСТАСИИ ВИШНЯКОВОЙ

Аннотация. Заговоры, записанные участниками фольклорной экспедиции МГУ в 1962 г. от каргопольской крестьянки А. С. Вишняковой, не были фальсифицированы собирателями, вопреки утверждению фольклориста А. В. Ковалешко. В то же время около 40% из них имеют книжное происхождение и взяты из произведений отечественной художественной литературы — скорее всего, самого А. С. Вишняковой.

Ключевые слова: заговор, взаимосвязи фольклора и литературы, верификация фольклорных записей, письменные формы фольклора.

Летом 1962 г. фольклорная экспедиция филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова под руководством Ю. И. Смирнова работала в Каргопольском р-не Архангельской обл. Ее участники, студенты В. Н. Иевлева и А. А. Чугунов, посетили «кусты» деревень Лядины, Печниково и Ошевенский Погост. В д. Олехово Печниковского сельсовета (в ней фольклористы начали работать 16 июля) лучшей исполнительницей, с которой им довелось встретиться, оказалась Анастасия Степановна Вишнякова, 74-х лет (т. е. около 1888 г. р.), сказавшаяся малогра-

мотной (ФЭ 04: 6133)¹; судя по примечаниям к некоторым текстам, она была родом из д. Кучепалда в 10 км к северу от Печникова (ФЭ 04: 6171, 6203); дед ее, по ее словам, был «староверским попом» (ФЭ 04: 6183—6184).

Вот что писали о д. Олехово и своей работе в ней собиратели: «Печниково представляет собой куст деревень, расположенных рядом и на расстоянии 2—4 км друг от друга. В д. Олехово стариков мало, да и те сказок почти не знают, один старик взялся рассказывать сказки из книги. Свадебный обряд хорошо помнят, песни поют охотно. О богатырях слышали только из книг или вообще не слышали. Заговоры знает одна старушка, о которой в деревне не говорят как о знахарке, но которую считают “памятливой”. Заговоры от нее записаны с ее слов и с листочков бумаги, хранившихся у нее под большим секретом» (ФЭ 04: 6132). От А. С. Вишняковой («одна старушка» — это именно она) удалось записать 52 фольклорных текста разных жанров, занимающие 78 страниц в сданной в архив тетради²: 1 свадебное причитание («невесту вызывают из байны»), 1 историческая песня («О польском восстании»), 1 баллада («Муж жену губил»), 3 духовных стиха («Два Лазаря», «Михаил Архангел — грозный судия», «Душа с телом расставалась»), 2 необрядовые лирические песни («Как на матушке на Неве-реке», «Выйду с горя в чисто поле»), 5 сказок и анекдотов («Деревянный орел», «Сказка о Ерше», «Невестины загадки», «Кража под песню», жена солдата уверяет его, что он отец детей, родившихся в его отсутствие), 1 легенда («О Феодоре-мученице»), 3 былички

¹ Здесь и далее шифр сквозной пагинации Рукописного архива фольклорных экспедиций кафедры русского устного народного творчества филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

² Тетрадь № 2—7—1962—20 (20).

(мертвый гармонист играет на «вечерухе»; парень женится не на той девушке, с которой гулял, и та в отместку «закрывает» у него коров; домовый мучает скотину, пришедшую не ко двору), 1 устный рассказ (об известной местной плакальщице, с отрывками пародийных причитаний — большая редкость!), 1 прибаутка («Утушка моховая»)³, 1 подборка куплетов с советской тематикой и 32 заговора, из которых 20 скопированы собирателями с тех самых «листочков бумаги, хранившихся у нее под большим секретом», а 12 записаны со слов.

По репертуару (достаточно типичному для неплохой исполнительницы тех мест и того времени) видно, что заговоры являлись предметом особого интереса А. С. Вишняковой. Сама она не слыла при этом в деревне знахаркой — лишь «памятливой», а вот мать ее и лечила людей, и «зналась с хозяином», т. е. домовым, — а возможно, и с лешим, так как умела «закрывать коров», хотя, как уверяла Анастасия Степановна собирателей, никогда этим не пользовалась (ФЭ 04: 6207—6208). Впрочем, в ходе беседы с собирателями и сама Вишнякова призналась, что всё-таки практиковала заговоры: омывала младенцев заговоренной водой, приучала к дому купленную корову — а «когда ее муж выпускал первый раз в поле коров», читала пастуший отпуск «по рукописной книжице» (ФЭ 04: 6152). Откуда взялись «листочки» и «книжица», собиратели, к сожалению, не указали. Лишь при нескольких текстах, записанных от А. С. Вишняковой изустно, помечено, что она узнала заговор от матери; к одному из них даже дано описание того, как мать учила заговаривать (ФЭ 04: 6207—6208). То, что А. С. Вишнякова активно пользуется заговорами, подтверждается как тем, что ко всем своим текстам она дала пояснения об их применении, так и значительной долей заговоров, воспроизведенных ею по памяти (среди них — и довольно пространственный вариант «Сисиниевой молитвы» — «заговор от трясовиц»⁴, в ко-

тором исполнительница не забыла ни одной из двенадцати сестер-лихорадок).

Знахарский репертуар А. С. Вишняковой дважды был частично опубликован: 15 из 32 ее заговоров напечатаны в 1992 г. в сборнике «“Встану я благословясь...”»: Лечебные и любовные заговоры, записанные в части Архангельской области», подготовленном Ю. И. Смирновым и В. Н. Ильинской [Смирнов, Ильинская 1992, 43—48], а 16 — в 1998 г. в «Русских заговорах и заклинаниях» под ред. проф. В. П. Аникина [Русские заговоры 1998] (местом жительства знахарки ошибочно названа д. Рубцово). Именно во второй книге были впервые опубликованы пять воинских обережных заговоров из «листочков» А. С. Вишняковой, что дало начало почти детективной истории.

Нижегородский фольклорист А. В. Коровашко в монографии «Заговоры и заклинания в русской литературе XIX—XX вв.» (М., 2009), впоследствии (в 2010 г.) защищенной как докторская диссертация, заявил, что «воинские заговоры от “Вишняковой” <...> являются продуктом <...> сознательной фальсификации» [Коровашко 2009, 287], да и сама она, по его мнению, не существовавший в реальности «таинственный севернорусский рапсод», под личиной которого скрывался кто-то другой — по всей видимости, недобросовестные собиратели [Там же, 284]. Причина, по которой А. В. Коровашко пришел к такому мнению, — четыре из пяти воинских заговоров А. С. Вишняковой, опубликованных в «Русских заговорах и заклинаниях», текстуально очень близки заговорам, включенным в текст романа «Тихий Дон» М. А. Шолохова (кн. 1, ч. 3, гл. 6), да и пятый, не соотносящийся с «Тихим Доном», «очень сильно напоминает искусственную конструкцию в духе каких-нибудь “новин” или “плачей” по вождям революции» [Там же, 287—288] — его источника А. В. Коровашко, Впрочем, не выяснил. Почему из всех возможных причин близости воинских оберегов А. С. Вишняковой к «Тихому Дону» А. В. Коровашко остановился на фальсификации собирателей, непонятно; также неясно, как

³ «Утушку», как и «Сказку о Ерше», А. С. Вишнякова исполнила вместе с соседкой Зоей Петровной Ильинской 60-и лет, грамотной, дочерью священника (ФЭ 04: 6224).

⁴ Опубликован [Смирнов, Ильинская 1992, № 81]. Исполнение наизусть такого длинного заговора, чувствуется, даже немного удивило собирателей, подчеркнувших в

примечании: «Весь этот заговор А. С. Вишнякова говорила на память» (ФЭ 04: 6162). Жаль, что он почему-то не был включен в «Русские заговоры и заклинания».

тогда быть с остальными заговорами и со всем ее обширным репертуаром, зафиксированным студентами? Ведь для большинства записанных от нее текстов (для большинства заговоров и для всех текстов других жанров) наши тщательные разыскания не нашли печатных источников, с которых могли бы «списать» нерадивые студенты. Не нашел их и сам автор монографии — да и не трудился искать, а просто голословно заявил о подделке; наверное, его прельстили лавры «разоблачителя» фальшивки.

То, что возможны иные объяснения сходству между «Тихим Доном» и заговорами А. С. Вишняковой, известно и самому А. В. Коровашко — после своих разоблачений и едких замечаний о невысокой культуре научных изданий фольклорных текстов он оговаривается: можно «допустить, что в севернорусских деревнях существуют знахари, “подпи- тывающиеся” продуктами индивидуального художественного творчества» [Там же, 289], — но допускать этого он не стал даже в качестве рабочей гипотезы. Не касается он и вопроса о подлинности остальных записей от А. С. Вишняковой — а ведь если она вымышленный «гаинственный севернорусский рапсод», то откуда взяты все прочие приписанные ей тексты? Для выяснения этого следовало бы обратиться к оригиналам записей в архиве кафедры фольклора МГУ, прежде чем заявлять о фальсификации, однако А. В. Коровашко, видимо, счел это излишним.

Изучив все заговоры, записанные в 1962 г. от А. С. Вишняковой, мы обнаружили, что почти 40% из них (12 из 32) восходят к текстам, опубликованным в произведениях художественной литературы. Источники и издания этих текстов представлены в следующей таблице:

Заговоры Анастасии Степановны Вишняковой⁴

№	№ и заголовок в тетради ⁵	Издания ⁶	Источник
1	2	3	4
1	93. От пуль		С. П. Злобин. Степан Разин. Кн. 2. Л.: ГИХЛ, 1953. Ч. 6 «Москва зашаталась», гл. «Багряное небо». С. 353. Тир. 150000. (1-е изд. — М.: Советский писатель, 1951, тир. 30000)

⁴ С рукописей А. С. Вишняковой скопированы № 1—3, 5—10, 12—22, остальные тексты записаны с ее слов.

⁵ Наши пояснения и поправки даны в круглых скобках.

⁶ Обозначены аббревиатурами: СИ [Смирнов, Ильинская 1992], РЗЗ [Русские заговоры 1998]. Цифра после аббревиатуры названия сборника обозначает номер текста.

Из таблицы видно, что источниками 12 зависимых от произведений художественной литературы заговоров из репертуара А. С. Вишняковой послужили 7 книг отечественных писателей XIX и XX вв. Важно отметить, что научной, специальной или труднодоступной литературы среди этих источников нет; напротив, все они — выходившие массовыми тиражами произведения русских и советских писателей, бывшие в наличии во всех библиотеках СССР вплоть до избы-читальни в глухой деревне, а у многих людей того времени эти книги имелись и дома. Все эти произведения объединяет и то, что они выходили первым изданием или переиздавались в 1950-е гг. Самое позднее из них по времени выхода в свет — исторический роман С. П. Злобина «Степан Разин», впервые изданный в 1951 г. Таким образом, рукописная коллекция заговоров А. С. Вишняковой ранее этого года окончательно сложиться не могла.

Значительное количество зависимых от книжных источников заговоров в рукописях А. С. Вишняковой, немалое число этих источников, а также то, что большинство ее заговоров происходит не из книг — всё это свидетельствует против предположения А. В. Коровашко, что ее воинские заговоры на самом деле списаны собирателями с «Тихого Дона». Студентам, обнаружившим знахарку с немалым репертуаром, незачем дополнять его собственными выписками из книг; вообще в материалах фольклорных экспедиций МГУ на Русский Север тех лет (да и нынешних) заговоры встречаются довольно часто, так что в прибавлении еще нескольких текстов к десяткам уже записанных нет особой заслуги, за которую мог бы похвалить

1	2	3	4
2	94. От пуль		См. № 1
3	95. Отсушка (на самом деле — присушка)	СИ 74, РЗЗ 869	М. Р. Голубкова, Н. П. Леонтьев. Два века в полвека. Архангельск, 1952. Ч. 1 «Горький век», гл. 14. С. 60—61. Тир. 15000. (1-е изд. — М.: Советский писатель, 1946)
4	96. От змеи (в источнике — отсушка)	СИ 75	А. Н. Толстой. Петр Первый. Гл. 5. Ч. 7. (изд. 6-е — т. 1, М.: Федерация, 1932. С. 294)
5	97. Молитва от оружия	РЗЗ 2396	М. А. Шолохов. Тихий Дон. Кн. 1. Ч. 3. Гл. 6. М.: ГИХЛ, 1934. С. 399.
6	98. От оружия	РЗЗ 2397	См. № 5. С. 400.
7	99. Молитва при набеге	РЗЗ 2394	См. № 5. С. 400—401.
8	100. От оружия	РЗЗ 2398	См. № 1
9	101. На исцеление (в источнике — на сбор трав)	СИ 76, РЗЗ 2270	П. И. Мельников-Печерский. В лесах. Кн. 2. Горький: Горьковское книжное изд-во, 1956. Ч. 3. Гл. 12. С. 187. Тир. 75000. (Текст печ. по изд.: М.: ГИХЛ, 1955, тир. 450000)
10	102. Молитва от оружия	РЗЗ 2399	См. № 5
11	103. Заговор на кровь	СИ 77, РЗЗ 1580	А. К. Толстой. Князь Серебряный: Повесть из времен Иоанна Грозного. Гл. 17 «Заговор на кровь». М.: Московский рабочий, 1960. С. 140. Тир. 50000.
12	104. Отпуск для скота	РЗЗ 1167	
13	105. Оберег скота	РЗЗ 1169	
14	106. Оберег скота	РЗЗ 1183	
15	107. Оберег скота	РЗЗ 1177	
16	108. Оберег скота		
17	109. Оберег скота	РЗЗ 1105	
18	110. Оберег скота	РЗЗ 1196	
19	111. Отпуск скота	РЗЗ 1197	
20	113. На сон	СИ 78, РЗЗ 155	
21	114. От болезней (точнее — от глаза и «притки», т. е. порчи)	СИ 79	П. И. Мельников-Печерский. На горах. Кн. 1. М.: ГИХЛ, 1958. Ч. 1. Гл. 4. С. 92—93. Тир. 225000. (точно то же в изд.: М.: ГИХЛ, 1956, тир. 450000)
22	115. От болезней (на самом деле — утренний оберег)	СИ 80	
23	116. От трясовиц	СИ 81	
24	117. Присушка	СИ 82	
25	118. От зубов	СИ 83	
26	119. Присушка	СИ 84	
27	120. Остуда (отсушка)	СИ 85	
28	121. Присушка	СИ 86	
29	122. От болезни для младенца	СИ 87	
30	123. От всех болезней (тоже для младенца)	СИ 88	
31	144. Чтобы закрыть корову или человека		
32	146. (Приучать корову к новому дому)		

руководитель. И даже если бы студенты и решились на такой подлог, время, которое ушло бы на поиск в сельской библиотеке 12 заговоров в 7 книгах, значительно превышает то, которым располагают студенты на практике. Гораздо более естественным является предположение, скоропалительно отвергнутое А. В. Коровашко: знахарка А. С. Вишнякова не довольствовалась лишь традиционными и легитимными с точки зрения придирчивого фольклориста источниками пополнения своего репертуара (т. е. устной и местной рукописной традициями), а действительно «подпитывалась» продуктами индивидуального художественного творчества — проше говоря, читала книги и обнаруженные в них заговоры списывала к себе на «листочки». Думается, она была не такой уж малограмотной, как сказала собирателям. Более того, она должна была быть весьма начитанной особой: русская художественная литература отнюдь не пестрит заговорами, они встречаются далеко не в каждой второй книге, и чтобы извлечь те 12 заговоров из 7 книг, прочесть их надо было гораздо больше.

В пользу последнего предположения находятся и дополнительные доводы. Как отметили собиратели, А. С. Вишнякова происходит из семьи старообрядческого начетчика («староверского попа») — заведомого книжника; состоит в приятельских отношениях с дочерью священника — тоже грамотной и знакомой с книгами в силу семейного воспитания. В материалах фольклористов, работавших в каргопольских краях, часты указания на то, что былины, сказки, легенды в тех местах люди зачастую знали из книг, а не из устной традиции: «о богатырях слышали только из книг», «один старик взялся рассказывать сказки из книги» (Печниково — ФЭ 04: 6132); «всё это в священных книгах написано, старики, какие грамотны, так говорили», «часто встречаются пересказы сказок из книг» (Лядины — ФЭ 04: 6086, 6131). Из этих свидетельств ясно, что каргопольские места вовсе не были «дремучим» углом, где книги в глаза не видали и фольклор не испытывал влияния литературы. Другое дело, что собирателям (может быть, неосознанно) хотелось бы, чтобы это было так — чтобы найденные ими тексты были «насто-

ящим», «подлинным» фольклором, — и это горячее желание могло приводить к тому, что возникавшие порою подозрения в книжном происхождении текста они спешили отместить.

По воспоминаниям участников экспедиций тех лет, у них на практике бывали случаи, когда записывали, например, пересказ былины, а потом, узнав от исполнителя, что он известен ему из книги, очень расстраивались. Несомненно, это огорчение видели и сами информанты и делали свои выводы: лучше сказать, что слышали от стариков, зачем огорчать гостей из самой Москвы? Подобное незлонамеренное лукавство исполнителей и сделало необходимым создание указателя зависимых от книги былинных текстов, составленного путем тщательного сличения вариантов, независимо от утверждений местных жителей о происхождении текстов [Новиков 2001].

Пример такого лукавства можно найти и в разбираемых записях от А. С. Вишняковой. К № 96 («от змеи») собиратели, опираясь на ее слова, указали в комментарии следующее: «Этим заговором А. С. Вишнякова никогда не пользовалась, т. к. в их местности змеи не водятся. Знает его от матери, которая знала много заговоров и лечила людей» (ФЭ 04: 6136). Между тем, этот заговор происходит из исторического романа А. Н. Толстого «Петр Первый», и в оригинале он — любовная «отсушка», направленная против соперницы, именуемой змеей, а не против настоящей змеи. Этой «отсушкой» нелюбимая жена царя Петра Евдокия Лопухина пытается угасить любовную страсть мужа к Анне Монс. Каргопольскую знахарку, выписавшую заговор из романа и, вероятно, забывшую контекст, ввели в заблуждение формулы заговора, основанные на этой метафоре: «Поди и поди, злая лихая змея Анна, вилкосная и прикосная...» и т. д. [Толстой 1932, 294]. Как бы то ни было, утверждая, что этот заговор она запомнила от матери, А. С. Вишнякова не была искренней с фольклористами.

Многие из книг, послуживших источниками для А. С. Вишняковой, не раз переиздавались (особенно «Князь Серебряный» А. К. Толстого — едва ли не самое популярное из прозаических произведений этого автора; «Тихий Дон» М. А. Шолохова и «Петр Первый»

А. Н. Толстого также были многократно переизданы), поэтому время, когда заговоры из них могли быть скопированы в ее заветную тетрадку, точно установить трудно. Однако некоторые из упомянутых источников дают такую возможность.

Прежде всего это касается оберега «от пуль», или «от оружия», как он озаглавлен в «листочках» А. С. Вишняковой, — того самого, который «сильно напоминает» А. В. Коровашко «искусственную конструкцию в духе каких-нибудь “новин” или “плачей” по вождям революции». В рукописях А. С. Вишняковой он присутствует в трех вариантах (№ 93, 94 и 100), последний из которых был опубликован [Русские заговоры 1998, № 2398]. Его источник — исторический роман советского писателя Степана Павловича Злобина (1903—1965) «Степан Разин». В краткой версии, как повесть, «Степан Разин» впервые вышел в 1939 г., но интересующего нас заговора в нем еще не было. Впоследствии автор доработал и значительно увеличил свое произведение, и в 1951 г. «Степан Разин» был издан уже как роман. Во второй его книге и находим тот самый «колдовской заговор» от пуль. У С. П. Злобина его сочинила и давала своим сподвижникам атаманша Алёна-старица⁷:

«Замученная пытками, Алена Ивановна издевалась над тем, что говорили ей о ее колдовстве:

— Что я народ поднимала на вас да дворян побивала — в том нет колдовства. А ты вот, должно, колдовством меня одолел — знать, нечистый тебе помогает! Не может бог помогать людоядцам в их зверстве!

У есаула Алены нашли “колдовской” заговор. Готовясь писать донесение царю, боярин (воевода князь Ю. А. Долгоруков. — В. К.) принес и

⁷ Алёна-старица — реальное историческое лицо. Была родом из-под Арзамаса; овдовев, постриглась в монахини. В пору восстания Степана Разина ушла из монастыря и, проявив недюжинные воинские способности, командовала отрядом повстанцев в несколько сот человек. Ее отряд вместе с силами разинского сподвижника атамана Федора Сидорова взял приступом город Темников, которым она с Сидоровым управляла более двух месяцев, пока город не был отбит у восставших царскими войсками. По приказу воеводы Долгорукова сожжена в срубе как колдунья 5 декабря 1670 г.

его, чтобы вложить в отписку. Он лежал перед ним на столе.

“Встану благословясь, пойду перекрестясь за правое дело, за Русскую землю, на извергов, на недругов, кровопийцев, на дворян-бояр, на всех сатанинских детей. Выйду боем на чистое поле. Во чистом поле свищут пули. Я пуль не боюсь, я пуль не страшусь, не троньте, пули, белые груди, буйную голову, станную жилу, горячее сердце. Скажу я пулям заветно слово: летите, пули, в пустую пустыню, в гнилое болото, в горячие камни. А моя голова не преклонится, а моя руда не изольется, а моя бела кость не изломится. Про то знают дуб да железо, кремь да огонь. Аминь!”

Под пыткой сказал есаул, что дала ему заговор от пуль атаманша Алена Ивановна.

— Ты ли давала своим есаулам нечистые колдовские заговоры от пуль? — спросил у нее боярин.

— А что же мне не давать! Тот не ратник, кто пули страшится! А как заговор в пазуху сунул, то идет на вас смело, и вы, воеводы-бояре, вбежки от него, от смелого моего атамана! — сказала Алена.

— И что ж, помогал заговор?

— Помогал. Такая в нем сила.

— И всем помогал? — допытывался боярин.

— Смелому помогал. А кому не помог, тот, знать, забоялся — тотчас в заговоре и сила пропала! — сказала Алена.

— А кто тебя научил тому заговору?

— Сама составляла, боярин. Своим умишком на свете жила...

— “Встану благословясь, пойду перекрестясь... — перечитал боярин, — на дворян-бояр, на всех сатанинских детей!” Обольщала, проклятая ведьма! — заключил Долгоруков и перекрестился.

А перед самой смертью, когда к ее казни согнали народ с окрестных сел и деревень, когда ее возвели на костер, арзамасский протопоп простер в ее сторону крест и воскликнул:

— Кайся, колдунья!

Долгорукову показалось, что по запекшимся кровью губам атамани и в голубых глазах ее скользнула насмешка.

— А не в чем мне каяться! — сказала она. — Ладно я воевала. Кабы другие все атаманы, как я, дрались, то показал бы ты задницу нам, Долгоруков!

“Мужам позавидовать, как легла на костер бесстрашно!” — подумал о ней воевода.

— Рано ли, поздно, а к правде народ придет и побьет всех извергов ока-
 янных! — предсказала Алена, вися на дыбе» [Злобин 1953, 358—359].

Подробный анализ созданного С. П. Злобиным заговора не входит в задачи нашего нынешнего исследова-
 ния. Отметим лишь, что его текст показы-
 вает знакомство писателя как с тра-
 диционной композицией заговоров, так
 и с их формульной стереотипией, под-
 вергающейся у него художественному
 переосмыслению. Нехарактерные для
 народной магии авторские привнесения
 С. П. Злобина в текст, отмеченные пе-
 чатью идеологии классовой борьбы, с
 одной стороны, находят соответствия в

репликах, вложенных им в уста Алёны-
 старицы («изверги» есть и в заговоре, и
 в реплике; «кровопийцы» заговора пе-
 рекликаются с «людоядцами» реплики;
 походу «за правое дело» в заговоре вто-
 рят слова Алёны, что «рано ли, поздно,
 а к правде народ придет»); с другой сто-
 роны, подобные выражения действи-
 тельно встречаются в псевдофольклор-
 ных «новинах», «плачах», «сказах» со-
 ветской тематики 1930-х гг., с которыми
 С. П. Злобин, конечно, был знаком.

При переписывании из книги отдель-
 ные слова в заговоре от пуль были из-
 менены, а строки пропущены (думается,
 случайно). Разночтения между печат-
 ным оригиналом и списками представ-
 ляет следующая таблица (в ней, как и в
 дальнейших, различия в текстах выделе-
 ны полужирным шрифтом):

«Колдовской заговор от пуль»

С. П. Злобин. Степан Разин. Кн. 2. Л., 1953. С. 353. Заговор, сочиненный Алёной-старшей	Записи от А. С. Вишняковой
1	2
Встану благословясь, пойду перекрестясь за правое дело, за Русскую землю, на извергов, на недругов, кровопивцев, на дворян-бояр, на всех сатанинских детей. Выйду боем на чистое поле. Во чистом поле свищут пули. Я пуль не боюсь, я пуль не страшуся, не троньте, пули, белые груди, буйную голову, становую жилу, горячее сердце. Скажу я пулям заветно слово: летите, пули, в пустую пустыню, в гнилое болото, в горячие камни. А моя голова не преклонится, а моя руда не изольется, а моя бела кость не изломится. Про то знают дуб да железо, кремь да огонь. Аминь!	93. [От пуль.] Встану благословесь, пойду перекрестесь за правое дело, за русскую землю на извергов на недругов кровопийцев на дворян бояр на всех сатанинских детей, выйду боем во чистое поле, в чистом поле свищут пули, я пуль не боюсь, я пуль не страшусь, не троньте пули белые груди, буйную голову, становую жилу, горячее сердце. Скажу я пулям заветное слово: — Летите пули в пустую пустыню, в зыбкое болото, в горячие камни, а моя голова не преклонится, а моя руда не дуб да железо, кремь да огонь. Аминь. <i>Этот заговор списывают на клочок бумаги и зашивают в одежду на груди.</i>
Встану благословясь, пойду перекрестясь за правое дело, за Русскую землю, на извергов, на недругов, кровопивцев, на дворян-бояр, на всех сатанинских детей. Выйду боем на чистое поле. Во чистом поле свищут пули. Я пуль не боюсь, я пуль не страшуся, не троньте, пули, белые груди, буйную голову, становую жилу, горячее сердце. Скажу я пулям заветно слово: летите, пули, в пустую пустыню, в гнилое болото, в горячие камни. А моя голова не преклонится, а моя руда не изольется, а моя бела кость не изломится. Про то знают дуб да железо, кремь да огонь. Аминь!	94. [От пуль.] Встану я благословесь, пойду я перекрестесь за русскую землю на извергов да недругов кровопийцев. На дворян да бояр на всех сатанинских детей. Выйду боем на чисто поле, в чистом поле свищут пули, я пуль не боюсь, я пуль не страшусь, не троньте пули белые груди, буйную голову, становую жилу, горячее сердце, скажу я пулям заветное слово: — Летите вы пули в пустую пустыню, в гнилое болото, в горячие камни, а моя руда ниж не изольется, моя белая кость не изломится, про то знают дуб да железо, кремь да огонь. Аминь. <i>Пользоваться так же, как и предыдущим.</i>

1	2
Встану благословясь, пойду перекрестясь за правое дело, за Русскую землю, на извергов, на недругов, кровопийцев, на дворян-бояр, на всех сатанинских детей. Выйду боем на чистое поле. Во чистом поле свищут пули. Я пуль не боюсь, я пуль не страшуся, не троньте, пули, белые груди, буйную голову, становую жилу, горячее сердце. Скажу я пулям заветно слово: летите, пули, в пустую пустыню, в гнилое болото, в горячие камни. А моя голова не преклонится, а моя руда не изольется, а моя бела кость не изломится. Про то знают дуб да железо, кремь да огонь. Аминь!	100. [От оружия.] (P33 2398) Стану я благословесь, пойду перекрестесь за правое дело, за русскую землю на извергов, на недругов кровопийцев, на дворян, бояр, на всех сатанинских детей, выйдубоем на чистое поле, в чистом поле свищут пули, я пуль не боюсь, я пуль не страшусь, не троньте вы пули белые груди, буйную голову, становую жилу, горячее сердце, скажу я пулям заветное слово: — Летите вы пули в пустую пустыню, в зыбкое болото, в горячие камни, в леса. Голова не преклонится, а моя руда не дуб да железо, кремь да огонь. Аминь. <i>Говорится на воду, которой опрыскивают одежду или ружье.</i>

Сравнивая три вишняковских списков заговора от пуль из романа «Степан Разин», легко заметить, что № 93 и № 100 — зависимые друг от друга списки, в то время как № 94 — самостоятельный: существенные отклонения от оригинала в № 93 и № 100 совпадают (вместо «гнилого» болота — «зыбкое», пропущены слова «изольется, а моя бела кость не изломится. Про то знают»). Скорее всего, № 100 списан с № 93, а не наоборот: в нем к расхождению с оригиналом добавилась отсылка пуль «в леса», заменившая слова «а моя». Такая замена едва ли могла произойти при списывании непосредственно с книги, где печатный шрифт хорошо читается, зато легко могла случиться при копировании с рукописного «листочка». Важнейшие отличия № 94 от оригинала иные: отсутствует поход «за правое дело» и пропущены слова «а моя голова не преклонится».

Особый интерес А. С. Вишняковой к заговорам военной тематики виден из того, что заговор от пуль встречается в ее записях три раза, а один из воинских оберегов из «Тихого Дона» — дважды. Скорее всего, кого-либо из ее родственников ждала воинская служба, и она делала копии с известных ей оберегов от пуль и прочего оружия, чтобы дать новобранцам с собой (списав на клочок бумаги и зашив в одежду на груди, как сказано в примечании к № 93).

Другие заговоры, вхождение которых в собрание А. С. Вишняковой

можно датировать достаточно точно, — это № 95, озаглавленный в тетради «отсушка» (на самом деле, наоборот, присушка), и № 114, названный «от болезней» (точнее — от сглаза и порчи).

Заговор № 95 восходит к воспоминаниям печорской плакальщицы Маремьяны Романовны Голубковой (1893—1959), которая в 1930-е гг. оказалась одной из многих талантливых знатоков фольклора, вовлеченных в инспирированную партийными властями кампанию по созданию нового, советского народного творчества. К сказителю приставлялся «куратор» (обычно из образованных — фольклорист, писатель или журналист), который и разъяснял ему, каких песен или сказок требуют новое время и начальство, и правил то, что получалось. В случае с М. Р. Голубковой таким «куратором» был литератор Николай Павлович Леонтьев (1910—1984). Он подсказывал ей темы для новых произведений и редактировал их как стилистически, так и идеологически (в т. ч. при помощи красочных картинок из детского журнала «Мурзилка» [Фольклор России 1994, 13—14]), а также записывал ее богатый фольклорный репертуар⁸ и рассказы о жизни. Сотворчество Голубковой и Ле-

⁸ Собственно фольклорные записи от Голубковой вошли в составленные Леонтьевым сборники печорского фольклора [Печорский фольклор 1939; Печорские былины 1979].

онтьева породило (помимо поэм вроде «Мы пошли в поход на кулацкий род», «Про выборы всенародные» и др.) несколько книг ее воспоминаний, выдержанных в стиле сказа — книг весьма неплохих, за многие годы предвосхитивших ставшие популярными с конца XX в. издания крестьянских мемуаров (например, [Голоса крестьян 1996]). Одна из этих книг — повесть «Два века в полвека»; текст ее был готов еще в 1940 г., но издать до войны не успели. Впервые повесть вышла в 1946 г., переиздана в 1952 г.; выходила и позднее, вплоть до 1980-х гг. (в составе трилогии «Мать Печора»). В ней и находим присущую, переписанную оттуда А. С. Вишняковой:

«А она (мать М. Р. Голубковой. — В. К.) той порой, пока я ездила, колдуну-старику заплатила, чтобы он присущил меня к мужу (от которого Голубкова ушла из-за постоянных побоев. — В. К.) и чтобы я сама к нему убежала. Вот я в тот вечер лежу на кровати, колдун и пришел. Мать его честит, угощает да уговаривает. Выпил он водочки и захвастал:

— Это, Дарья Ивановна, для меня мало дело. Бывали эти рога в торгу! Я еще во молодости всю черную науку испрошел. Обучал меня человек большой, ненонешной силы, самому дьяволу брат родной был и меня к нему в гости важивал. Дьявола-то ведь домами живут. А тот дом в неозначенном месте, бо-о-лышующий. Да и сам дьявол не мал, как лесина хороша: головища как пивной котловище, глаза как чашищи, ручища как граблищи, носище как печище. Сидит наш хозяин, из глаз искры сыплет, изо рта пламя мечет, из носу дым валит. Вздохнет — вихорь ходит, чихнет — с ног валимся.

Не грубо встретил, не скучно угостил, а потом дьявол и говорит: “Ты, Иван Федорович, у меня не в частом быванье. Мои ребята без дела сидят — не можешь ли распорядиться?” — “Как не могу! Ребятам-то у меня дела не переделать”.

Подбежали ребята — радехоньки. Взял я у дьявола веревку о сорок сажень, сrostил концы, отдал да и говорю: “Вот, смеряйте-ко, ребята. Беритесь да не ленитесь”.

Вот и кружат они, меряют, меряют, а конца нету. А дьявол хохочет: “Хитер же ты, Иван Федорович”.

Я на печи лежу, слушаю, не до сна стало. Не хочу, да хохочу. А Иван Федорович выпьет да опять свое заведет.

Матери и ладно, что этакий знахарь. Тут девка уж сразу к мужу побежит! Угостился Иван Федорович и делом занялся. Взял шепоть чаю на заварку, высыпал на бумажку, хочет вон выйти, а мать его и уговаривает:

— Чего ты, Иван Федорович, на мороз пойдешь? Делай свое дело здесь. Девка крепко спит.

А у меня только рубаха спит, а ухо слушает. Слышу — начал колдун шептать да наговаривать. Пьяноватый он, так и не бережется, громко свою речь ведет:

— Встану я, не благословясь, выйду, не перекрестясь, из дверей — в двери, из ворот — в ворота. Пойду не прямой дорогой — мышьями норами да лисьями тропами. Выйду на широку улицу, встану на восток затылком, на запад лицом. Там живет батюшка сатана, из глаз искры сыплет, из ноздрей дым столбом. Я ему поклонюсь, в праву ногу поклонюсь. Попрошу батюшку сатану: “Послужи мне на сем свете, а я отслужу тебе в будущем веке. Сотвори так, чтобы моя младша сестра Маремьяна не могла ни жить, ни быть, ни ночи спать без моего младшего брата Федора”. Будьте, словеса мои, крепки. Ключ — в море, замок — в поле.

Три раза наговаривал эти слова колдун, дул и плевал на чай. А потом свернул бумажку и позвал мать:

— Дарья Ивановна, можешь взять. Сумей только спить — без промашки дело будет (Голубкова не стала пить наговоренный чай. — В. К.)» [Голубкова, Леонтьев 1952, 60—61].

Еще один заговор, который знахарка из Печникова едва ли могла скопировать ранее конца 1950-х гг. — от сглаза и порчи и болезней, ими вызванных (№ 114). Он находится в первой книге романа П. И. Мельникова-Печерского «На горах». Несмотря на то что это книга XIX в., после революции она не переиздавалась до 1956 г. (в отличие от его же романа «В лесах», выходившего и в 1928, и в 1936—37 гг., из которого

А. С. Вишняковой был взят заговор «на исцеление»), а дореволюционные издания (последнее из них было в 1914 г.) едва ли могли оказаться в фондах деревенских изб-читален и сельских библиотек, формирование которых шло в основном в 1920-е — 1930-е гг.

Обратимся, наконец, к тем текстам из архива А. С. Вишняковой, которые и вызвали обвинения А. В. Коровашко в фальсификации, — к воинским обере-

гам из «Тихого Дона» М. А. Шолохова. Не касаясь вопроса об их фольклорной или литературной природе (как мы считаем, основательно разобранным в монографии нижегородского исследователя), сосредоточимся на сопоставлении заговоров из романа и их списков в «листочках» каргопольской крестьянки, которое прояснит некоторые обстоятельства их вторичной фольклоризации.

Воинские обережные заговоры из «Тихого Дона»

М. А. Шолохов. Тихий Дон. Кн. 1. Ч. 3. Гл. 6 // М. А. Шолохов. Собр. соч. в 8 т. Т. 2. М., 1956. С. 277—278. Заговоры старого казака с хутора Ея	Записи от А. С. Вишняковой
1	2
МОЛИТВА ОТ РУЖЬЯ (с. 277—278) Господи, благослови. Лежит камень бел на горе, что конь. В камень нейдет вода, так бы и в меня, раба божия, и в товарищей моих, и в коня моего не шла стрела и пулька. Как молот отпрядывает от ковадла, так и от меня пулька отпрядывала бы; как жернова вертятся, так не приходила бы ко мне стрела, вертелась бы. Солнце и месяц светлы бывают, так и я, раб божий, ими укреплен. За горой замок, замкнут тот замок, ключи в море брошу под бел-горюч камень Алтор, не видный ни колдуну, ни колдуннице, ни чернецу, ни чернице. Из океан-моря вода не бежит, и желтый песок не пересчитать, так и меня, раба божья, ничем не взять. Во имя отца, и сына, и святого духа. Аминь.	102. Молитва от оружия (P33 2399) Господи благослови. Лежит камень бел на горе, что конь в камень нейдет вода, так бы и в меня р. б. и товарищей моих и в коня моего не шла стрела и пулька, как молот отпрядывает от ковалды, так и от меня бы пулька отпрядывала, как жернова вертятся, так не приходи ко мне стрела каленая вертелась бы. Солнце и месяц светлы бывают, так и я р. б. ими укреплен, за горой замок замкнут, тот замок ключи в море брошу под бел горюч камень Алтор, не видно ни колдуну, ни колдунницы, ни чернецу, ни черницы, из океана моря вода не бежит и желтый песок не пересчитать так и меня р. б. ничем не взять, во имя отца и сына, и св. духа. Аминь.
МОЛИТВА ОТ РУЖЬЯ (с. 277—278) Господи, благослови. Лежит камень бел на горе, что конь. В камень нейдет вода, так бы и в меня, раба божия, и в товарищей моих, и в коня моего не шла стрела и пулька. Как молот отпрядывает от ковадла, так и от меня пулька отпрядывала бы; как жернова вертятся, так не приходила бы ко мне стрела, вертелась бы. Солнце и месяц светлые бывают, так и я, раб божий, ими укреплен. За горой замок, замкнут тот замок, ключи в море брошу под бел-горюч камень Алтор, не видный ни колдуну, ни колдуннице, ни чернецу, ни чернице. Из океан-моря вода не бежит, и желтый песок не пересчитать, так и меня, раба божья, ничем не взять. Во имя отца, и сына, и святого духа. Аминь.	97. Молитва от оружия (P33 2396) Господи благослови. Лежит камень бел на горе, что конь в камень нейдет, веди вот и так бы и в меня р. б. и в товарищей моих и в коня моего не шла стрела и пуля, как молот отскакивает от кувалды, так бы и от меня пулька отскакивала бы, как жернова вертятся, так не приходила бы ко мне стрела, вертелась бы солнце и месяц светлые бывают, так бы и я раб божий (им. р.). Укрепленный за горой замок замкнут, тот замок и ключи в море. Аминь. <i>Наговоренную воду берут в рот и 3 раза sprыскивают ружье перед тем, как идти на охоту (со слов А. С. Вишняковой).</i>

1	2
МОЛИТВА ОТ БОЯ (с. 278) Есть море-океан, на том море-океане есть белый камень Алтор, на том камне Алторе есть муж каменный тридевять колен. Раба божьего и товарищей моих каменной одеждой одежь от востока до запада, от земли и до небес; от вострой сабли и меча, от копья булатна и рогатины, от дротика каленого и некаленого, от ножа, топора и пушечного боя; от свинцовых пулек и от метких оружий, от всех стрел, перенных пером орловым, и лебединым, и гусиным, и журавлиным, и дергуновым, и вороновым; от турецких боев, от крымских и австрийских, нагонского супостата, татарского и литовского, немецкого, и шилинского, и калмыцкого. Святые отцы и небесные силы, соблюдайте меня, раба божьего. Аминь.	98. От оружия (P33 2397) Есть море океане, на том море океане есть белый камень Алтор, на том камне Алторе есть мужик каменной тридевять колен. Р. б. и товарищей моих одежь каменной одеждой от востока до запада, от земли до небес, от вострой сабли и меча, от копья булатна, рогатины, от дротика каленого, от пулек и от мелких оружей, от всех стрел перенных пером орловым и лебединым, и гусиным, и журавлиным и дергуновым гонского супостата, татарского, литовского, немецкого, калмыцкого. Светлые отцы и небесные силы, сохраните меня р. б. (им. р.). Аминь.
МОЛИТВА ПРИ НАБЕГЕ (с. 278) Пречистая владычица святая богородица и господь наш Иисус Христос. Благослови, господи, набеги идучи раба божьего и товарищей моих, кои со мною есть, облаком обволоки, небесным, святым, каменным твоим градом огради. Святой Дмитрий Солунский, ущити меня, раба божьего, и товарищей моих на все четыре стороны: лихим людям ни стрелять, ни рогаткою колоть и ни бердышем сечи, ни колоти, ни обухом прибити, ни топором рубити, ни саблями сечи, ни колоти, ни ножом не колоти и не резати, ни старому и ни малому, и ни смуглому и ни черному; ни еретику, ни колдуну и ни всякому чародею. Все теперь предо мною, рабом божьим, посироченным и судимым. На море на океане на острове Буяне стоит столб железный. На том столбе муж железный, подпершился посохом железным, и заколевает он железу, булату и синему олову, свинцу и всякому стрелыцу: «Пойидиты, железо, восвою мать-землю от раба божья и товарищей моих и коня моего мимо. Стрела древоколкова в лес, а перо во свою мать-птицу, а клей в рыбу». Защити меня, раба божья, золотым щитом от сечи и от пули, от пушечного боя, ядра, и рогатины, и ножа. Будет тело мое крепче панцыря. Аминь.	99. Молитва при набеге (P33 2394) Пресвятая владычица святая Богородица и господь наш Иисус Христос благослови господи набеги идучи б. раба и товарищей моих, кои со мною есть, облаком обволки небесным святым каменным твоим градом огради святой Димитрий Сулунский, ущити мене раба божьего и товарищей моих кои со мною есть на все 4 стороны лихим людям не стрелять, не рогаткою колоти не бердышом сечи не колоти, обухом не пробити, не топором рубити, не саблями сечи не колоти, ни ножом колоти, ни резати, ни старому, ни малому, ни смуглому, ни черному, ни еретику, ни колдуну, ни всякому чародею, все теперь предо мною р. б. помраченым и судимым. На море океане на острове Буяне стоит столб железный, на том столбе муж железный подпершился посохом железным, закалевает он по железу-булату и синему олову и свинцу и всякому стрелыцу. Пойди, ты железо, восвою мать-землю от меня р. б. и товарищей моих и от коня моего мимо стрела древокалка в лес, а перо во свою мать-птицу, а клей в рыбу, защити меня р. б. золотым щитом от сечи и от пули, от пушечного боя-ядра и рогатины и ножа, будет тело мое крепче панциря. Аминь.

Значимые расхождения между заговорами из «Тихого Дона» и «листочков» А. С. Вишняковой касаются в основном пропусков строк и слов, реже — перестановки и замены слов похожими по значению (не считая несущественных орфографических и пунктуационных отличий). Некоторые из этих расхож-

дений, возможно, появились лишь при копировании ее текстов студентами, не всегда уверенно разбиравшими ее почерк (это может касаться, например, слов «метких»/«мелких» оружий в № 98, «посироченным»/«помраченным», «заколе-вает»/«закале-вает», «древоколкова»/«древокалка» в № 99 и др.).

Сопоставление двух списков «молитвы от оружия» Вишняковой (№ 97 и 102) с «молитвой от ружья» из «Тихого Дона» показывает, что № 102 довольно близко следует оригиналу, а № 97 отошел от него гораздо дальше. В № 102 изменения в основном касаются форм слов (падежей существительных — вместо «из океан-моря» стало «из океана-моря»; форм прилагательных и глаголов — «видно» вместо «видный», просьба-пожелание «не приходила бы» заменено на приказ «не приходи») и служебных слов. Самым заметным отличием от оригинала в № 102 является добавление к слову «стрела» постоянного эпитета «каленная». Особо отметим замену «ковадла» у М. А. Шолохова на «кувалду» у А. С. Вишняковой. «Ковадло» (в значении «наковальня») — южно-русский лексический диалектизм (польского происхождения, что видно по суффиксу -дло), на Севере неизвестен. А. С. Вишнякова, не зная этого слова, заменила его «кувалдой», что исказило смысл текста: в заговоре из романа молот отскакивает от наковальни — понятный и логичный образ, вызывающий ассоциации с кузницей. А вот столкновение молота с кувалдой сложно представить в действительности.

Эта же лексическая замена произошла в № 97. В нем сделаны и другие замены лексем: «отпрядывает» и «отпрядывала бы» заменено на «отскакивает» и «отскакивала бы» (более частотные и понятные слова, однако менее экспрессивные), «пулька» стала «пулей». Две другие замены слов в № 97 мы скорее склонны считать ошибкой собирателей при переписывании заговора с листочка А. С. Вишняковой. Во-первых, это «им. р.» вместо «ими» в словах «так и я, раб Божий, ими укреплен»; предполагаем, что у А. С. Вишняковой было написано «ими» (как в романе и в № 102). Собиратели прочли «имя» — т. е. надо же назвать имя «раба Божия» — и поставили стандартное у них обозначение «им. р.» («имярек»). Во-вторых, это замена «вода» на «вот и» в словах «в камень нейдет вода, так бы и в меня, раба Божия, <...> не шла стрела». Первоначально собиратели прочли «води» и так переписали в свою тетрадь, но, решив, что ошиблись, зачеркнули и следом написали «вот и».

Кроме замен слов, заговор из «Тихого Дона» в списке № 97 подвергся значительному сокращению: пропущена почти вся его закрепка, в оригинале весьма пространный, составленный из нескольких заклинательных «формул невозможного». Тем не менее и оставшийся от нее фрагмент («за горой замок замкнут, тот замок и ключи в море. Аминь») — вполне приемлемая лаконичная закрепка. Судя по отсутствию в № 97 эпитета «каленная», добавленного в № 102, эти два списка заговора из романа были сделаны независимо друг от друга.

Послевоенные издания «Тихого Дона» (точнее, после 1947 г.) отличаются от более ранних, что вызвано вмешательством редактора К. В. Потапова (его деятельность вызвала горячие нарекания М. А. Шолохова, противившегося как «приглаживанию» текста романа, так и изъятиям из него⁹). Именно в его редакции «Тихий Дон» издается начиная с четырехтомного «исправленного» издания 1953 г. Коснулась редаKTуpa К. В. Потапова и воинских заговоров, включенных в роман: в них было сделано несколько небольших поправок (не считая собственно орфографии и пунктуации). Это важное для нас обстоятельство позволяет значительно сузить временной диапазон, в который воинские обереги «Тихого Дона» были скопированы А. С. Вишняковой, с 1928—1962 гг. до 1953—1962 гг. В тексте «молитвы от ружья» в словах «за горой замок, замкну тот замок, ключи в море брошу» стало читаться «замкнут» (явное искажение!), в «молитве от боя» «шилынский» супостат стал «шилиньским», а в «молитве при набеге» Дмитрий «Сослуцкий» стал каноничным «Солунским» («приглаживающая» поправка). Обратясь к спискам А. С. Вишняковой,

⁹ «Должен сказать, что Потапов — при всей его доброжелательности к роману — как редактор ни к черту не годится. Нет у него художественного вкуса, в любой его поправке Вы увидите весьма посредственного газетчика, — вот в чем беда! Тут я совершил ошибку в выборе редактора, в чем и раскался, когда большинство его скопцовских изъятий мне пришлось восстанавливать» (из письма М. А. Шолохова А. К. Котову и Д. И. Романенко от 6 сентября 1951 г. [Шолохов 2003, 285]).

находим, что они следуют правленному К. В. Потаповым тексту (только непонятого «шилинского» супостата северная знахарка вообще опустила), т. е. сделаны не ранее 1953 г.

Выше мы связывали интерес А. С. Вишняковой к воинским заговорам с предстоящей воинской службой кого-либо из ее родственников. Комментарий к «молитве от оружия» № 97 позволяет высказать и другое предположение о применении этих заговоров каргопольской знахаркой: для предохранения от несчастных случаев с оружием на охоте («спрыскивают ружье перед тем, как идти на охоту»¹⁰).

Сомнения А. В. Коровашко вызвал и обнаруженный среди других рукописей А. С. Вишняковой пастуший «отпуск», поэтому напишем вкратце и о нем. Восемь пастушеских заговоров, переписанных собирателями в тетрадь под отдельными номерами (№ 104—111) — на самом деле единый пастуший «отпуск», состоящий из нескольких «статей». Такая многосоставная композиция обычна для «отпусков», принадлежащих на Русском Севере исключительно письменной заговорной традиции. У А. С. Вишняковой «отпуск» был записан в «рукописной книжке», по которой читался целиком при первом выпуске коров в поле, о чем и сказано в примечании собирателей (ФЭ 04: 6152). К сожалению, при публикации в «Русских заговорах и заклинаниях» составные части «отпуска» оказались разрознены, а одна (№ 108) вообще опущена. Сравнив текст А. С. Вишняковой с опубликованными вариантами, мы с удовлетворением обнаружили, что он представляет собой самостоятельный текст, не зависимый от печатных изданий. Наиболее близкий к нему из известных нам вариантов происходит с Водлозера (Пудожский у. Олонецкой губ.), издан в 1889 г. Н. Н. Харузиным [ИОЛЕАиЭ 1889, 123—138].

Что касается упреков А. В. Коровашко в низкой культуре издания научных сборников, приведшей к тому, что в «Русские заговоры и заклинания»

¹⁰ При публикации в «Русских заговорах и заклинаниях», к сожалению, слова «на охоту» выброшены — наверное, как не соответствующие включению заговора в раздел воинских [Русские заговоры 1998, 377].

проникли заимствования из художественной литературы, то, как отмечают многие фольклористы, с течением времени в репертуаре заговоров практикующих знахарей появляется всё больше текстов, взятых из печатных (а теперь и электронных) изданий, поэтому от подобных «казусов» никто не застрахован. И за примерами далеко ходить не надо. В сборнике «Нижегородские заговоры», выпущенном в 1997 г. самим А. В. Коровашко ([Нижегородские заговоры 1997]), среди 269 текстов рецензент В. Л. Кляус обнаружил 30 заговоров, скопированных в ходе фольклорной практики ННГУ из тетрадки Т. И. Абрамовой, жительницы д. Сластиха Бутурлинского р-на, которые, как оказалось, происходят из опубликованной им в 1990 г. книги «Лечебные “наговоры” Приангарского края из собрания А. А. Савельева» ([Наговоры 1990]). И хотя А. В. Коровашко, как отметил В. Л. Кляус, и «ощущал некоторую чужеродность текстов Т. И. Абрамовой» нижегородской традиции и отметил это в комментариях к ним¹¹, самостоятельно разыскать источник ему не удалось [Кляус 1999, 55]. Так что даже стремление составителя к подробному комментированию издаваемых фольклорных записей (без сомнения, выгодно отличающее «Нижегородские заговоры» от «Русских заговоров и заклинаний») не всегда предохраняет от фактического смешения традиционных текстов с примерами вторичной фольклоризации ранее изданных. А о том, что последняя часто происходит с заговорами, прекрасно осведомлен и сам А. В. Коровашко: «Записанные собирателями фольклора заговоры через публиковавшие их печатные издания возвращались в область народной культуры. <...> Участники фольклорных экспедиций Нижегородского университета неоднократно сталкивались со случаями, когда заимствованные из указанных источников произведения входили

¹¹ «Для большинства заговоров из тетрадки Абрамовой характерно использование зачина и закрепки. Но для нижегородской традиции в целом эти морфологические элементы совершенно чужды. Очевидно, что большинство заговоров в тетради Абрамовой заимствовано из общего источника» [Нижегородские заговоры 1997, 89].

в репертуар средств народной медицины и даже составляли основу знахарской практики. Причем никакого разграничения “своего” и “чужого”, “старого” и “нового” в этом случае не наблюдается» [Нижегородские заговоры 1997, 8].

Итак, заговорный репертуар А. С. Вишняковой (и устная его часть, и письменная) сложился без участия собирателей, и ни о какой их «сознательной фальсификации» речи быть не может. Около 40% заговоров каргопольской знахарки было извлечено ею самою в 1950-е гг. из произведений русских и советских писателей, которые она читала, скорее всего, в сельской библиотеке или у знакомых. Что же до того, считать ли записи от А. С. Вишняковой полноценными фольклорными материалами или отказывать им в аутентичности (т. е. всё равно признавая их фальсификацией — пусть не собирателя, а исполнителя), то можем заметить, что влияние книжности, литературы на фольклор отмечается учеными чем далее, тем более (см., например, [Новиков 2001a]), и особенно сильно оно в жанрах, для которых письменная форма бытования давно стала обычной (легенды, духовные стихи, заговоры). Поэтому знахари, «подпытывающиеся» из печатных изданий, — нередкое явление, особенно теперь (с чем сталкивался и сам «разоблачитель подделок» А. В. Коровашко), и пренебрегать записанными от них материалами значило бы искусственно подправлять наши описания фольклорной традиции, приводя их в соответствие с какими-то идеальными моделями, имеющими весьма мало точек соприкосновения с действительностью.

Литература

Голоса крестьян 1996 — Голоса крестьян: Сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах / сост. Е. М. Ковалев. М., 1996.

Голубкова, Леонтьев 1952 — Голубкова М. Р., Леонтьев Н. П. Два века в полвека. Архангельск, 1952.

Злобин 1953 — Злобин С. П. Степан Разин. Кн. 2. Л., 1953.

ИОЛЕАиЭ 1889 — Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. 61. Труды этнографического отдела. Кн. 9. Вып. 1. М., 1889.

Кляус 1999 — Кляус В. Л. Публикации русских заговоров в 1997—1998 гг. // Живая старина. 1999. № 1. С. 54—55.

Коровашко 2009 — Коровашко А. В. Заговоры и заклинания в русской литературе XIX—XX вв. М., 2009.

Наговоры 1990 — Лечебные «наговоры» Приангарского края из собрания А. А. Савельева / сост. В. Л. Кляус. М., 1990.

Нижегородские заговоры 1997 — Нижегородские заговоры: В записях XIX — XX вв. / сост., вступ. ст., коммент. А. В. Коровашко; отв. ред. К. Е. Корепова. Нижний Новгород, 1997.

Новиков 2001 — Новиков Ю. А. Былина и книга: Аналитический указатель зависимых от книги и фальсифицированных былинных текстов. СПб., 2001.

Новиков 2001a — Новиков Ю. А. Книга — источник фольклорного знания // Живая старина. № 3. М., 2001. С. 34—35.

Печорские былины 1979 — Печорские былины и песни / записал и сост. Н. П. Леонтьев. Архангельск, 1979.

Печорский фольклор 1939 — Печорский фольклор / сост. Н. П. Леонтьев; предисл., ред. и примеч. В. М. Сидельникова. Архангельск, 1939.

Русские заговоры 1998 — Русские заговоры и заклинания: Материалы фольклорных экспедиций Московского государственного университета 1953—1993 гг. / под ред. В. П. Аникина. М., 1998.

Смирнов, Ильинская 1992 — «Встану я благословясь...»: Лечебные и любовные заговоры, записанные в части Архангельской области / изд. подгот. Ю. И. Смирновым, В. Н. Ильинской. М., 1992.

Толстой 1932 — Толстой А. Н. Петр Первый. Изд. 6-е. Т. 1. М., 1932.

Фольклор России 1994 — Фольклор России в документах советского периода 1933—1941 гг.: Сборник документов / сост. Е. Д. Гринько, Л. Е. Ефанова, И. А. Зюзина, В. Г. Смолицкий, И. В. Тумашева. М., 1994.

Шолохов 2003 — Шолохов М. А. Письма / под общ. ред. А. А. Козловского, Ф. Ф. Кузнецова, А. М. Ушакова, А. М. Шолохова. М., 2003.

Summary. *Spells recorded in 1962 by Moscow State University folklore expedition from Anastasia Vishnyakova, a peasant woman from Kargopol, were not falsified by the folklorists, contrary to the claim of Alexey Korovashko, a researcher from Nizhny Novgorod. At the same time, about 40% of them do have a bookish origin and were taken from the works of Russian literature — most likely, by Vishnyakova herself.*

Key words: *spells, the relationship between folklore and literature, verification of folklore records, written forms of folklore.*